

РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО

Коррупция в современной России: психологический аспект

А. Л. ЖУРАВЛЕВ

(Институт психологии РАН, Московский гуманитарный университет),

А. В. ЮРЕВИЧ

(Институт психологии РАН)

В статье рассматриваются такие возможности психологической науки и практики в противодействии коррупции, как изменение толерантного отношения к ней в нашем обществе, мобилизация населения на борьбу с ней, психологический мониторинг законопроектов, тестирование чиновников с помощью специальных психологических методик и др.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное поведение, психологическая наука и практика, массовое сознание, формальные отношения, неформальные отношения, законопроекты, неюридические меры.

КОРРУПЦИОННЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ

В мировом рейтинге коррупции Россия сейчас занимает 154-ю позицию из 178 возможных (Corruption Perceptions..., 2010: Электр. ресурс), находясь на позиции стран с очень высоким уровнем коррупции, соседствуя с такими государствами, как Кения, Конго, Папуа — Новая Гвинея, причем в этом рейтинге еще в 2000 г. она находилась на 82-м месте, а за истекшее десятилетие вдвое ухудшила свои позиции. Негативная динамика наблюдается и по другим параметрам. Объем коррупционных сделок увеличился в нашей стране с 40 млрд долл. в 2001 г. до 300 млрд долл. в 2006 г. (Глинкина, 2010). Средний размер взятки с конца 1990-х к концу 2000-х годов возрос в 13 раз, достигнув 130 тыс. долл. По некоторым оценкам, коррупционерами у нас являются 90% чиновников (там же). Возможно, эта цифра завышена и к тому же зависима от неоднозначности вопросов о том, что считать коррупцией и кого называть чиновника-

ми. Но тот факт, что в среде наших государственных и муниципальных служащих коррупция широко распространена, едва ли вызывает сомнения.

При возрастании масштабов коррупционной деятельности расширяется и ее «объект». За деньги сейчас продаются не только традиционные услуги чиновников, но также должности, звания, награды, места в представительных органах и многое другое, что продаваться не должно. «Цели участников коррупционных сделок не ограничиваются материальными траншами, включая в круг притязаний переизбрание на выборах, сохранение должности в административной иерархии, новые деловые возможности», — отмечает С. П. Глинкина (там же: 236). Приводятся расценки на депутатские места в Государственной Думе (Щепляев, 2011: 4), где заседает подозрительно много сверхбогатых людей. Статьи в наших газетах появляются под такими заголовками: «Генеральская должность

в Москве стоит миллион долларов», «Коррупционеры украли танковый полк» (см.: Глинкина, 2010) и т. п., причем на подобные темы публикуется и немало «заказных» статей, которые тоже являются продуктом коррупции, в данном случае коррумпированности журналистов. И закономерно, что все чаще звучат такие утверждения, как «страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции» (Болдырев, 2010: 460), «практически любые контакты власти и бизнеса в современной России строятся на коррупционной основе» (Глинкина, 2010: 444) и др.

Исследователи проблемы подчеркивают, что «коррупция — многоаспектное, многоуровневое¹, системно организованное социальное явление, интегрирующее в себя экономическую, юридическую, социальную, управленческую, этическую и даже политическую составляющие, что предопределяет необходимость междисциплинарного анализа этого явления» (там же: 429). Естественно, в нем присутствует и психологическая составляющая (имея самостоятельное значение, она органически включена также в перечисленные составляющие — социальную, управленческую, этическую и др.), и отечественная психологическая наука просто *обязана* — перед самой собой и перед нашим обществом — включиться в его междисциплинарное изучение, а психологическая практика — в его профилактику и искоренение.

Вместе с тем в нашей стране психология лишь в последнее время присоединяется к сообществу научных дисциплин, изучающих коррупцию². Справедливо отмечается, что «в современной научной литературе отражены результаты исследований природы становления коррупции с позиций экономики, политики и права, психологические же особенности формирования коррумпированного поведения у госслужащих не изучены» (Социально-психологические исследования..., 2010: 188). Тем не менее *психология коррупции* как самостоятельная и перспективная (к сожалению!) область психологического исследования у нас формируется. Прорисовываются и ее основные составляющие: 1) психология коррупционеров, 2) психология коррумпированных, т. е.

дающих взятки, и т. п., 3) изучение отношения общества к проблеме коррупции и к ее конкретным компонентам, 4) исследования социально-психологических процессов, влияющих на коррупцию.

В частности, в психологических исследованиях сотрудников органов внутренних дел, осужденных за коррупцию, выявлено, что они обладают такими качествами, как тенденция общаться с небольшим количеством людей, повышенная осторожность при установлении близких отношений, отсутствие жалости по отношению к жертвам коррупции и др. (там же). При этом выяснилось, что психологический профиль коррупционеров близок к профилю бывших сотрудников правоохранительных структур, осужденных за общеуголовные преступления. Осуществляя свою противоправную коррупционную деятельность, они считают, будто *расплата за нее не наступит никогда* (там же). Для них характерны такие виды психологической защиты, как *отрицание и компенсация*, убежденность в том, что жертвы коррупционных преступлений сами часто совершают такие преступления, что якобы оправдывает коррупцию. Именно данное убеждение во многом позволяет коррупционерам отрицать свою коррупционную деятельность как *преступление* («все так делают, кто-то больше, а кто-то меньше»). Существенно и то, что в описанных исследованиях выявилась взаимозависимость коррупции и склонности к агрессии, хотя прямой агрессии в коррупционном поведении, как правило, не проявляется. На этой основе исследователи формулируют предположение о том, что одним из главных факторов склонности к коррупционному поведению является скрытая агрессия (там же), стало быть, высокая агрессивность как одна из главных характеристик социально-психологической атмосферы современного российского общества (Юревич, Ушаков, Цапенко, 2007) вносит большой вклад и в высокий уровень его коррумпированности.

Отчетливо проступают и три важных свойства, проявляемых нашим массовым сознанием в связи с коррупцией, которые имеют непосредственное отношение к массовой психологии. Во-первых, относительно толерантное

отношение к коррупции как к повсеместному («воруют-с», «все берут» и т. п.), неискоренимому и неизбежному «минимальному уровню зла», не заслуживающему серьезного осуждения. Как пишет Ю. Ю. Болдырев, «сама идея нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд неабсолютного зла» (Болдырев, 2010: 457). Во-вторых, выраженное осуждение в нашем массовом сознании вызывают не сами по себе акты коррупции, а лишь запредельные размеры взяток, особенно если они «непропорциональны» должности коррупционеров. Например, недавний случай, когда рядовой следователь требовал с предпринимателя взятку в 3 млн долл. (если бы взятка имела более скромные размеры, скорее всего, этот случай огласки бы не получил). В-третьих, как и во многих других ситуациях, проявляется система двойных стандартов: «я и мое окружение — другие». Свое собственное коррупционное поведение, равно как и аналогичное поведение родных и близких, воспринимается как вынужденный ответ на объективные обстоятельства («не подмажешь — не поедешь» и т. п.), не ассоциируется с коррупцией и не получает негативной эмоциональной оценки, в то время как аналогичное поведение других лиц рассматривается как коррупционное и выражающее их негативные личностные качества. Подобная «асимметрия восприятия» органично вписывается в закономерности атрибуции ответственности, хорошо известные в социальной психологии (Андрева, 1997).

Достаточно очевидно проявляется и социально-психологическая особенность нашей культуры, создающая благоприятную среду для коррупции. Она состоит в *приоритете неформальных социальных отношений над формальными*, «неуставных» над «уставными», очень характерном для современной России и для других обществ, не изживших элементы патриархальности. С. П. Глинкина отмечает: «...характерной чертой организации современного российского общества, в частности власти и бизнеса, является формирование неформальных сетей, которые структурируются на различных системах ролевых ожиданий

(семейных, дружеских, этнических, клановых, религиозных, корпоративных). Неформальные сети имеют множество целей и включают различные виды деятельности. Они строятся на принципах взаимопомощи и солидарности, создают свои системы правил, соблюдение которых является приоритетным по отношению к нормам государства» (Глинкина, 2010: 223). В результате такая форма коррупции, как обмен ненормативных услуг на деньги, дополняется такими ее видами, как обмен услуг на услуги, обмен услуг на приобретение более высокого статуса в различных социальных структурах и др.³ «Взятка, — пишет В. Радаев, — это всего лишь примитивная начальная форма отношений, которая опосредует короткие (разовые) взаимодействия и характерна преимущественно для чиновника мелкой и средней руки, а также для представителей малого бизнеса. Элементарная взятка перерастает в систему обмена услугами, которые уже не принимают денежную форму и даже не сводятся к личным подаркам-подношениям» (Радаев, 1998: 162). Вместе с тем подобные виды коррупции, в отличие от ее денежных форм, вообще не предусмотрены законодательством, что создает для них практически неограниченное пространство.

Клановость, кумовщина, «банановый»⁴ механизм приближения к власти, характерные для нашей культуры, не преследуются законом, однако создают массовую коррупционную среду, в которую денежные формы коррупции вписываются очень органично. Симптоматично, что жены наших высоких чиновников часто оказываются «успешными предпринимателями», зарабатывающими в десятки раз больше своих мужей. А сами чиновники, оставляющие свои высокие посты, как правило, уходят в коммерческие структуры, где активно используют свои прежние связи, что создает крайне благоприятную среду для коррупционных отношений, хотя и не проявляющихся в открытой денежной форме. Справедливо отмечается, что «не работает у нас и норма о конфликте интересов: когда личные чаяния должностного лица вступают в противоречие с его служебными интересами» (Цепляев, 2011) — в отличие от западных стран, где

чиновник обязан незамедлительно сообщать о подобных конфликтах. Для нашей культуры характерны и такие выражения, как «искать выход на...» (далее указывается имя большого начальника), и широкая распространенность соответствующих моделей поведения, например, многие наши сограждане, попав в какую-либо неприятную ситуацию (например, в ДТП в качестве их виновников), тут же начинают звонить своим друзьям и знакомым (а не в ГАИ и не в службу «Скорой помощи», чтобы она была оказана пострадавшим), дабы их выручили, «отмазали» и т. п. Как пишет Б. Дубин, «реформаторы постсоветских лет⁵ воспитали лукавого гражданина: не доверяющего власти, но полностью от нее зависящего, готового взаимодействовать с государством только через „черный ход“ беззакония» (Дубин, 2011: 19). Привычка, крайне актуальная во времена всеобщего дефицита, добиваться чего-либо «по знакомству», «по блату» и т. п. органически внедрена в наш менталитет, сохранилась и поныне, будучи теперь обращенной не на товары народного потребления, а на другие цели.

Надстраивание коррупции над системой неформальных, «неуставных» отношений, обладающих в нашем обществе приоритетом над отношениями формальными и «уставными», способствует формированию определенной структуры коррупции, придавая ей *организованный характер*: «Коррупционер-одиночка» в современной России — вымирающий вид. Ему на смену пришли неформальные структуры — коррупционные сети. Происходит процесс «корпоративизации коррупции» (Глинкина, 2010: 443). В этих «сетях» отчетливо выражены как горизонтальное, так и вертикальное измерения. Первое — когда, например, «трясти палаточников» приходят двое полицейских, и невозможно представить, чтобы один из них брал с них «дань», не делаясь ею с другим. Второе — в виде построения коррупционных структур в виде «коррупционных вертикалей», в рамках которых низшие чины непременно делятся с вышестоящими, те — со своим начальством и т. д. И то и другое порождает коррупционную «трясину», в условиях которой практически невозможно ос-

таться некоррупцированным, а если такой человек появляется, то от него стремятся избавиться, — коррупционеры «своих не сдают» и горой стоят друг за друга, что-либо изменить в соответствующих организациях можно лишь извне и лишь при личном участии высокого начальства. Все это не только придает коррупцированным организациям характер «боевых единиц» и делает их устойчивыми, но и порождает хорошо известный в психологии и за ее пределами феномен дистрибуции вины и ответственности. В частности, «субъективное восприятие риска снижается, если чиновник делится взяткой с начальством, продавец отдает часть «отката» руководителю фирмы и т. д. И чем многочисленнее сеть участников коррупционной сделки, тем чувство вины меньше, как, впрочем, и риск испортить репутацию в случае разоблачения» (там же).

Следует отметить и то, что в нашей отечественной культуре весьма размыты границы между собственно взяткой и тем, что рассматривается как благодарность. При этом еще с советских времен принято считать, что некоторые виды услуг предполагают благодарность, причем не в устной, а в товарно-денежной форме, в качестве само собой разумеющейся — несмотря на то что оказывающие такие услуги должны это делать в силу своего служебного положения. Так, считается просто неприличным, прийти, например, к врачу и не подарить ему коробку конфет (или горячительный напиток, если врач мужского пола). Подобные поступки воспринимаются у нас не как коррупционные, а как выражающие лишь естественную человеческую благодарность, тем более что их адресат ничего не требует взамен своих услуг. Однако подобные формы поведения встречают полное непонимание в других культурах. Наши эмигранты на Брайтон-Бич ставят в полное недоумение американских полицейских, пытаясь им заплатить за то, что они выполняют свою работу. Добрые финские транспортные полицейские превращаются в свою противоположность, когда наши водители пытаются вознаградить их доброту денежной купюрой⁶.

В общем, можно сделать очень неутешительный вывод о том, что коррупция в России,

особенно в современной, «это больше, чем коррупция», даже при самом широком толковании последней, характерном для международных программ борьбы с нею. Коррупция — это важный элемент нашего образа жизни, что признают и некоторые наши высокопоставленные чиновники (Коц, Черных, 2010), и показательно, что, по данным различных опросов, сейчас практически невозможно найти россиянина, который если не брал бы, то по крайней мере время от времени не давал бы взятки в той или иной форме.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ БОРЬБЫ С КОРРУПЦИЕЙ

Естественно, в предлагаемых мерах противодействия коррупции в современной России нет недостатка, причем, что тоже естественно, в основном предлагаются меры юридического характера. Трудно не согласиться с тем, что реальная, а не декларируемая борьба с ней предполагает достаточно существенные изменения нашего законодательства, а также не только ужесточение, но и *исполнение* соответствующих законов. В то же время регулярно отмечается, что одних лишь законодательных мер для решения этой проблемы явно недостаточно, что они должны дополняться другими, *неюридическими мерами*, к разработке и внедрению которых имеют непосредственное отношение и психологи.

Прежде всего, постоянно подчеркивается необходимость *воли* — власти, государства и всего нашего общества — к решению этой проблемы, дефицит которой наблюдается очень отчетливо. Как отмечает Ю. Ю. Болдырев, «проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного — воли к решению проблемы» (Болдырев, 2010: 456). Ее дефицит, конечно, можно списать на обозначенные выше факторы — на то, что с коррупцией борются (или делают вид, что борются) в основном чиновники, значительная часть которых сама коррумпирована; коррупция по-своему удобна власти, позволяя держать коррумпированных чиновников «на коротком поводке»; у нас пока не сформировано гражданское общество, которое вынуждало бы чиновников делать

то, к чему они не мотивированы⁷; наши чиновники имеют слишком много разрешительных функций; отсутствует полноценный политический плюрализм и т. п. Подобные факторы действительно имеют огромное значение, что во многом придает проблеме коррупции политический характер.

В то же время большую роль играют обстоятельства, не имеющие прямого отношения к происходящему в чиновничьей среде и во властных структурах, хотя, разумеется, и зависящие от них. Так, совершенно очевидно, что практика борьбы с коррупцией для того, чтобы быть по-настоящему эффективной, должна носить *массовый* характер, не сводиться лишь к усилиям властных структур и отдельных чиновников, даже благонамеренных, а вовлекать широкие массы населения и основываться на соответствующих поведенческих практиках. Это предполагает изменение описанного выше толерантного отношения к коррупции — отношения к ней как к неизбежному, неискоренимому и не очень значительному злу.

Экономистами, социологами, представителями других социальных наук, а также публицистами доказано, что коррупция — зло *существенное*, разрушающее экономику (несмотря на обсуждавшиеся выше отдельные неоднозначные воздействия на нее) и общество в целом, например посредством негативного влияния на нравственность, имеющую огромное значение для состояния общества⁸ (см.: Юревич, Ушаков, 2010). Следует подчеркнуть, что коррупция, хотя сама по себе и является в глазах многих не слишком опасным и *неагрессивным* преступлением, *лежит* в основе многих страшных преступлений, в том числе агрессивных. Известные события на Манежной площади, проникновение террористок в самолет для его уничтожения, досрочное освобождение опасных преступников и многое другое имеют в своей основе именно коррупцию. Убедительно продемонстрировано и то, что коррупция *искоренима*, о чем свидетельствуют примеры таких стран, как Сингапур и Малайзия, которые совсем недавно переживали очень высокий уровень коррупции, но в дальнейшем за достаточно короткое

сроки добились ощутимых успехов в ее преодолении⁹.

Разрушительное влияние коррупции на все стороны общественной жизни и возможность ее преодоления — эти вопросы следовало бы сделать основой образовательных программ, которые необходимо внедрить в нашу систему образования на ее различных уровнях. В скептически настроенном, прагматичном и достаточно безнравственном обществе преподнесение проблемы коррупции исключительно в нравственной плоскости явно недостаточно, необходимо обоснование ее разрушительного влияния на общество и его экономику и соответственно прагматического смысла борьбы с ней. Соответствующее знание должно войти в учебники и составлять обязательную часть того знания, которым обладают наши сограждане.

Полезной была бы и массовая пропагандистская кампания по борьбе с коррупцией с широким вовлечением СМИ и других средств воздействия на массовое сознание, которая с учетом отношения наших сограждан к таким кампаниям, их недоверия к СМИ, тенденции нашей молодежи «все делать наоборот» и т. п. должна быть хорошо продуманной психологически. В этом плане широкие возможности открываются перед социальной рекламой и нашими многочисленными психологами, преуспевшими в ведении пиар-кампаний, к сожалению, иногда ведущихся ими не на благо общества.

Эта кампания должна быть направлена не только на изменение отношения к коррупции как к таковой — выработку отношения к ней как к злу, во-первых, значительному, во-вторых, преодолимому, но и на изменение соответствующих поведенческих практик и лежащих в их основе социальных стереотипов.

Существуют две основные формы участия простых граждан, не обремененных властью и не имеющих связей с сильными мира сего, в борьбе с коррупцией. Первая — пассивная — форма состоит в том, чтобы, как призывают некоторые идеологи этой борьбы, «просто не давать взяток», что теоретически, конечно, возможно, но, как показывает социальная экспликация подобных случаев, позволить се-

бе «просто не давать взятки» могут либо такие фирмы, как «ИКЕЯ», либо достаточно известные и влиятельные люди. У простых же смертных это плохо получается — и отнюдь не из-за недостатка благих намерений. Вторая — активная — форма охватывает жалобы в соответствующие органы на взяточников, а также на живущих явно не по средствам. Причем если первое — хотя и требует незаурядного мужества и делается обычно тогда, когда нет другого выхода (например, чиновник требует у предпринимателя взятку, выходящую за пределы его финансовых возможностей), — получает, пусть и не всегда, общественное одобрение, то второе встречает осуждение, квалифицируется как «донос» и грубое вмешательство в чужие дела. Причины достаточно известны. Это и ассоциации с мрачными временами всеобщих доносов (поразительно, что за истекшие 60 лет мы так и не научились различать идеологические доносы и сообщения о нарушении закона¹⁰); и несовершенство наших законов; и отношение к ним как к «чужим», выражающим интересы власти, а не основной части населения¹¹; и влияние криминального мира; и нежелание брать на себя ответственность; и недоверие к правоохранительным структурам и т. п. Однако контраст с западными странами поразителен. Бывавшие там хорошо знают, что если, например, припарковать автомобиль в неполюбованном месте, то тут же несколько человек сообщат в полицию, которая незамедлительно приедет, а то, что мы называем «доносами», там воспринимается как исполнение гражданского долга, получает полную поддержку окружающих и всемерно поощряется, в том числе материально. Моральная поддержка соответствующих практик в современной России стала бы не «возвратом в сталинские времена», за который их пытаются выдать наши псевдолибералы, а внедрением цивилизованного, европейского (а также американского, японского и др.) правосознания и отношения к законам. Соответствующий опыт тоже следовало бы отразить в наших образовательных программах.

Существенным фактором является также упрощение технического режима сообщений

о нарушении закона. К примеру, в Финляндии, считающейся самой некоррупцированной страной мира (Corruption Perceptions..., 2010: Электр. ресурс), в любом учреждении, где посетитель может подвергнуться вымогательству со стороны чиновника, на самых видных местах обозначены адреса, в том числе электронные, и телефоны служб, в которые следует немедленно о нем сообщать, причем делать это можно и анонимно. Не требуется ни писать именные заявления, которых наши сограждане очень боятся, ни терять время в очереди к ответственным за борьбу с коррупцией, ни тратить конверты на почтовую рассылку. Жалобы отправляются в считанные секунды по электронной почте, что чиновники хорошо знают. Разумеется, пожаловаться на них может и просто недоброжелатель, а также желающий сместить того или иного чиновника и занять его место. Но все это, естественно, учитывается правоохранительными органами, которые посылают к подозрительному чиновнику под видом посетителя своего сотрудника лишь тогда, когда количество жалоб наводит на серьезные подозрения о наличии коррупции, так что несправедливо обвиненные не страдают. Зато страдают коррупционеры, причем уголовное наказание сопровождается включением в «черные списки», находясь в которых невозможно устроиться ни на одну государственную должность в течение всей оставшейся жизни. А многие китайские чиновники, осужденные за коррупцию, выйдя на свободу, кончают жизнь самоубийством, будучи не в силах вынести «потерю лица», крайне существенную в китайской культуре. Разительный контраст с современной российской реальностью, в частности, с тем, что уличенные в коррупции неплохо устраиваются в дальнейшем, в том числе и на государственных должностях, и отнюдь не переживают угрызений совести, выдавая себя за жертв политических репрессий.

Важным направлением участия психологов в борьбе с коррупцией является *психологический мониторинг* законов антикоррупционной направленности, необходимость которого, что очень отраднo, сейчас признают и юристы. Проблема предварительного мониторинга за-

конопроектов особенно актуальна в России, для которой характерными являются «неработающие», а то и в принципе неисполнимые законы, вырабатывающие недоверие населения к законам вообще, а также ситуация, когда принимаются нелепые и непопулярные законопроекты, которые отменяются или корректируются после того, как недовольство ими населения выливается в массовые акции протеста (чего нетрудно было бы избежать, если бы законопроекты подвергались *предварительному* мониторингу). При этом у нас по-прежнему доминирует, в том числе и в органах власти, представление о том, что разработка и принятие законов — дело юристов, а обилие в нашем главном законодательном органе спортсменов и шоуменов, а также «массовое обсуждение» законопроектов в Интернете, в возможность обратного влияния которого на обсуждаемые проекты мало кто верит, не слишком принципиально изменяет ситуацию. Не учитывается тот принципиальный факт, что законы — это *наиболее общие правила организации социальной жизни*, в разработке которых самое активное участие должны принимать представители всех наук, изучающих человека и общество, в том числе и психологии. А их разработку следует дополнять предварительным мониторингом, который тоже должен осуществляться специалистами из разных социальных наук, включая психологов.

Среди психологических проблем коррупции и возможностей психологической науки в их решении следует упомянуть *специальные психологические методы*, среди которых в данной связи наиболее часто упоминается полиграф. Возможность проверки на нем претендентов на «взяткоемкие» должности обсуждается регулярно, а в некоторых регионах по инициативе местной администрации соответствующая практика уже внедряется. Правда, при этом постоянно подчеркивается, что проверки на полиграфе должны осуществляться на добровольной основе, при согласии самих проверяемых, что отчасти выхолащивает смысл самой процедуры. Понятно и то, какие проблемы это порождает. Во-первых, дефицит добровольцев (следует ли отказавших-

ся пройти проверку на полиграфе вычеркивать из списка претендентов на должность?). Во-вторых, неоднозначность интерпретации показаний полиграфа, свидетельствующих не о лжи, а лишь о наличии физиологического возбуждения при ответе на соответствующие вопросы, которое может быть следствием различных факторов¹². В-третьих, возможность того, что количество прошедших проверку окажется намного меньшим, чем количество вакансий, и неясность, что делать в этом случае (принимать и кандидатуры не прошедших проверку?), что тоже выхолащивает смысл процедуры. Но, несмотря на подобные сложности, использование полиграфа, как и психологических тестов, открывает определенные перспективы преодоления коррупции, которые нуждаются в проработке.

Обрисованные направления, естественно, не исчерпывают потенциальные возможности психологической науки и практики в борьбе с коррупцией. Главное же состоит в том, что такие возможности имеются, и психологии надлежит активно включиться в решение этой проблемы, которую трудно не признать — вслед за президентом нашей страны (см.: Из Послания Президента..., 2008) — одной из главных проблем современной России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Одна из основных классификаций ее форм основана на различении бытовой, деловой и политической коррупции, хотя, естественно, можно выделить и другие ее виды. Например, Д. Кауфман выделяет такие, как «скупка государства», влияние на государство и административная коррупция (см.: Глинкина, 2010).

² В зарубежной психологии исследования коррупции более продвинуты и преимущественно сосредоточены на влиянии психологических измерений макрокультуры (предложенных Г. Триандисом, Э. Холлом, Г. Хофстеде, С. Шварцем и др.) на коррупцию.

³ Следует подчеркнуть, что в «словаре коррупции (от лат. *corruptio* — портить) определяется как использование должностным лицом своих властных полномочий и доверенных ему прав в целях личной выгоды, противоречащее установленным правилам» (Социально-психологические исследования..., 2010: 191). В международных документах, определяющих корруп-

цию, взятки в денежной форме тоже не упоминаются.

⁴ Появление этого термина связано с тем, что в так называемых банановых республиках вся родня их президентов, как правило, тоже состоит во власти. В нашей стране, конечно, не так, точнее, не совсем так, но важнейшую роль играет то, кто с кем учился, кто на ком женился, кто с кем тренировался у общего тренера и т. д.

⁵ Их часто называют псевдолибералами ввиду их большого отличия от истинных либералов. Как пишет С. В. Кортуннов, «либерализм — это не Чубайс, Бурбулис, Авен, Явлинский, Хакамада и Гайдар. И уж совсем не Горбачев и Ельцин. Либерализм — это Ф. Вольтер и Д. Дидро, Ш. Монтескье, П. А. Гольбах и Б. Франклин, Дж. Гоббс и Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо и М. Вебер, Т. Грин и Ф. Рузвельт» (Кортуннов, 2009: 193–194). А основатели российского либерализма — Б. Н. Чичерин, М. М. Сперанский, П. Н. Милоков — были бы сильно удивлены, если бы узнали, кого принято называть либералами в современной России.

⁶ Вообще поражает асимметрия отношения к коррупции у нас и в других странах. В Китае, например, с 2000 г. за нее были расстреляны 10 тыс. чиновников и около 120 были осуждены на сроки от 10 до 20 лет (Гудоровский, 2011: 18).

⁷ Вместе с тем следует упомянуть и отдельные позитивные сдвиги в этом плане, например то, что объединение усилий общественности в Интернете часто вынуждает возбуждать уголовные дела в отношении сильных мира сего и препятствует попыткам «замять» соответствующие случаи.

⁸ Существует, естественно, и обратное влияние — нравственного состояния общества на уровень коррупции. В частности, установлено, что морально-психологическая атмосфера в обществе серьезно влияет на уровень коррупции (Социально-психологические исследования..., 2010). Вообще же следует говорить даже не о взаимовлиянии, а о взаимопроникновении этих явлений: коррупция — это одно из главных проявлений безнравственности.

⁹ Благодаря этому, в частности, Сингапур занял первое место в мировом рейтинге стран по благоприятности условий для ведения бизнеса, что вызвало впечатляющий приток иностранного капитала, — еще одна убедительная иллюстрация влияния коррупции, в данном случае снижения ее уровня, на экономику.

¹⁰ Показателен случай, когда маньяк в течение часа насильничал и убивал девушку на глазах у многоквартирного дома, ни один из жильцов которого так и не позвонил в милицию, — харак-

терное проявление нашей нынешней «культуры недоносительства».

¹¹ Как свидетельствуют социологические исследования, «то, что одни называют законопослушанием, другие — доносом» (Любарский, 2006: 77), «Доносительство у нас не приветствуется... стучать нельзя, потому что закон — «чужой» (там же) и т. п.

¹² Один из признанных авторитетов в этой области П. Экман пишет: «...хотя отношение к детектору лжи очень противоречивое, все тем не менее сходятся в одном: ложь как таковую он не обнаруживает. Единственное, что он делает, — измеряет интенсивность проявлений возбуждения ВНС, то есть физиологические изменения, происходящие от эмоционального волнения человека» (Экман, 2010: 173). Тем не менее хотя, например, в 18 штатах США применение детектора лжи запрещено, в 30 штатах он применяется, а общее количество его использований в этой стране оценивается как составляющее не менее миллиона в год (там же).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андреева, Г. М. (1997) Психология социально-го познания. М. : Аспект Пресс.

Болдырев, Ю. Ю. (2010) Коррупция как системный порок российского капитализма // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О. Т. Богомолова. М. : Ин-т экономических стратегий. С. 456–474.

Глинкина, С. П. (2010) Коррупция: фатальная угроза? // Неэкономические грани экономики: непознанное взаимовлияние / под ред. О. Т. Богомолова. М. : Ин-т экономических стратегий. С. 427–455.

Дубин, Б. (2011) Эпоха большинства // Аргументы и факты. № 45 (1618). 9–15 ноября.

Из Послания Президента РФ Д. Медведева Федеральному Собранию РФ. (2008) // Парламентская газета. 7 ноября.

Кортунов, С. В. (2009) Национальная идентичность: постижение смысла. М. : Аспект Пресс.

Коц, А., Черных, Е. (2010) Депутат Геннадий Гудков: «Коррупция для России страшнее НАТО!» // Комсомольская правда. 15 января.

Любарский, Г. (2006) Чиновники и госслужащие: когда монету ценят за герб и ругают за решку // Социальная реальность. № 1. С. 73–79.

Радаев, В. (1998) Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М. : Центр политических технологий.

Социально-психологические исследования криминальной деструктивности личности со-

трудников правоохранительных органов (2010) / под ред. Д. В. Сочивко, Е. Е. Гавриной. Рязань.

Тудоровский, Я. (2011) В Китае всё по плану // Аргументы и факты. № 45 (1618). 9–15 ноября.

Цепляев, В. (2011) Брат в аппарат // Аргументы и факты. № 45 (1618). 9–15 ноября.

Экман, П. (2010) Психология лжи: обмани меня, если сможешь. СПб. : Питер.

Юревич, А. В., Ушаков, Д. В. (2010) Нравственное состояние современного российского общества // Психология нравственности / под ред. А. Л. Журавлева, А. В. Юревича. М. : Ин-т психологии РАН. С. 177–208.

Юревич, А. В., Ушаков, Д. В., Цапенко, И. П. (2007) Количественная оценка макропсихологического состояния современного российского общества // Психологический журнал. № 4. С. 23–34.

Corruption Perceptions Index 2010 (2010) [Электр. ресурс] // Transparency International. URL: http://www.transparency.org/content/download/55725/890310/CPI_report_ForWeb.pdf (дата обращения: 17.03.2012).

CORRUPTION IN CONTEMPORARY RUSSIA: THE PSYCHOLOGICAL ASPECT

A. L. Zhuravlev

(The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, Moscow University for the Humanities)

A. V. Iurevich

(The Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences)

The article they cover such opportunities of psychological science and practice for the countermeasures against venality as the alteration of a tolerant attitude to it in our society, the mobilization of population for the fight against it, the psychological monitoring of legislative drafts, the testing of official establishment with the use of special psychological methods, etc. Keywords: corruption, corrupt behaviour, psychological science and practice, mass consciousness, formal relationship, informal relationship, legislative drafts, non-legal measures.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Andreeva, G. M. (1997) Psikhologiya sotsial'nogo poznavaniia. M. : Aspekt Press.

Boldyrev, Iu. Iu. (2010) Korruptsiia kak sistemnyi porok rossiiskogo kapitalizma // Neekonomicheskie грани ekonomiki: nepoznanное взаимovlianie / pod red. O. T. Bogomolova. M. : In-t ekonomicheskikh strategii. S. 456–474.

Glinkina, S. P. (2010) Korruptsiia: fatal'naia ugroza? // Neekonomicheskie грани ekonomiki: nepoznanное взаимovlianie / pod red. O. T. Bogomolova. M. : In-t ekonomicheskikh strategii. S. 427–455.

Dubin, B. (2011) Epokha bol'shinstva // Argumenty i fakty. № 45 (1618). 9–15 noiabria.

Iz Poslaniia Prezidenta RF D. Medvedeva Federal'nomu Sobraniuu RF. (2008) // Parlamentskaia gazeta. 7 noiabria.

Kortunov, S. V. (2009) Natsional'naia identichnost': postizhenie smysla. M. : Aspekt Press.

Kots, A., Chernykh, E. (2010) Deputat Gennadii Gudkov: «Korrupsia dlia Rossii strashnee NATO!» // Komsomol'skaia pravda. 15 ianvaria.

Liubarskii, G. (2006) Chinovniki i gossluzhashchie: kogda monetu tseniat za gerb i rugaiut za reshetku // Sotsial'naia real'nost'. № 1. S. 73–79.

Radaev, V. (1998) Formirovanie novykh rossiiskikh rynkov: transaktsionnye izderzhki, formy kontroliia i delovaia etika. M. : Tsentr politicheskikh tekhnologii.

Sotsial'no-psikhologicheskie issledovaniia kriminal'noi destruktivnosti lichnosti sotrudnikov pravookhranitel'nykh organov (2010) / pod red. D. V. Sotshivko, E. E. Gavrinoi. Riazan'.

Tudorovskii, Ia. (2011) V Kitae vse po planu // Argumenty i fakty. № 45 (1618). 9–15 noiabria.

Tsepliaev, V. (2011) Brat v apparat // Argumenty i fakty. № 45 (1618). 9–15 noiabria.

Ekman, P. (2010) Psikhologiya lzhi: obmani menia, esli smozhesh'. SPb. : Piter.

Iurevich, A. V., Ushakov, D. V. (2010) Nravstvennoe sostoianie sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Psikhologiya npravstvennosti / pod red. A. L. Zhuravleva, A. V. Iurevicha. M. : In-t psikhologii RAN. S. 177–208.

Iurevich, A. V., Ushakov, D. V., Tsapenko, I. P. (2007) Kolichestvennaia otsenka makropsikhologicheskogo sostoianiia sovremennogo rossiiskogo obshchestva // Psikhologicheskii zhurnal. № 4. S. 23–34.

Corruption Perceptions Index 2010 (2010) [Elektr. resurs] // Transparency International. URL: http://www.transparency.org/content/download/55725/890310/CPI_report_ForWeb.pdf (data obrashcheniia: 17.03.2012).